

«МИЛАЯ МОЯ СУВОРОЧКА...»

Владимирская земля тесно связана с именем великого русского полководца Александра Васильевича Суворова. В своем Ундольском имении он работал над трактатом «Наука побеждать», а село Фетиньино принадлежало его дочери Наталье Александровне. «Милая моя суворочка...» – так ласково обращается он к ней в письмах.

В этой публикации читателю предлагаются материалы об Ундольском и Фетиньинском имениях Суворовых. Но наиболее в ней ценное – нигде прежде не публиковавшиеся письма дочери Суворова и его внуков – они хранятся во Владимирском госархиве в личном фонде дворянина М.М. Леонтьева, праправнука А.В. Суворова.

Из писем А.В. Суворова к дочери

«Милая моя Суворочка!

Письмо твое от 31 ч. генваря получил, ты меня так им утетила, что я по обычаю моему от утети заплакал. Кто-то тебя, мой друг, учит такому красному слогу, что я завидую, чтоб ты меня не перецеголяла...

О! Ай да Суворочка, как же у нас много полевого салату, птиц, жаворонков, стерлядей, воробьев, полевых цветков! Морские волны бьют в берега, как у Вас в крепости из пушек. От нас в Очакове слышно как собачки лают, как петухи поют.

Куда бы я, матушка, посмотрел теперь тебя в белом платье! Как-то ты растешь! Как увидимся, не забудь мне рассказать какую приятную историю о твоих великих мужах в древности. Поклонись от меня сестрицам. Благословение Божие с тобою!

*Отец твой Александр Суворов
Кинбурн. 16 марта 1788 году»¹.*

«Здесь пел на клиросе Суворов...»

Выстояла Казанская церковь. Все терпела: и нравственное унижение, когда решили закрыть ее от народа, и физическое, когда тракторы, чадя бензиновой гарью, вползли под ее своды, под которыми некогда пел в церковном хоре великий сын земли русской Александр Васильевич Суворов. С года тридцать шестого по год восемьдесят восьмой медленно умирал храм и, видимо, уже не ждал возрождения и не смел на него надеяться.

И вдруг прошлое отступило как страшный сон. В храм снова пришли люди, чтобы людям же его возратить.

Издалека видна позолоченная луковка церковной колокольни, и экскурсанты, направляющиеся к святыням русским – Владимиру и Суздалью – спрашивают, глядя в переднее стекло автобуса: «Подъезжаем?».

¹Письмо опубликовано в книге: Суворов А.В. Письма. — М.: Наука, 1986. С. 131.

Нет, это еще не Владимир. Это село Ундол, ныне входящее в город Лакинск. А горит в пространстве луковка Казанской церкви.

Отца Александра перевели в Ундольский приход в августе 1988 года. (Ныне отец Александр – настоятель Успенского кафедрального собора во Владимире). Что же предстало перед его очами? «Мерзость запустения» – так он ответил на мой вопрос. Крыша была худая, и если шел дождь все равно где было находиться: на улице или в храме – промокнешь одинаково. Фрески, которые, по преданию, писались в честь победы Суворова над турками, еле угадывались на церковных стенах. Выбитые стекла. Изувеченный тракторными гусеницами пол. Невеселое зрелище!

Но уже через два месяца заблестела свежей краской новая крыша, в оконных проемах появились рамы и стекла.

В прошлое лето в церкви появился иконостас, его перевезли из Гусь-Хрустального района, из недействующего храма села Нарма. Иконы же отец Александр приобрел в действующих храмах сел Великодворье и Палищи. Пол вымостил плиткой. Осушили землю вокруг храма. Окружили его чугунной фигурной решеткой.

Церковь в честь Казанской иконы Божией Матери была построена в Ундоле в 1693 году «усердием помещика стольника Петра Васильевича Головина». В 1859 году к церкви пристроена теплая трапеза с престолами в честь святителя и чудотворца Николая и колокольня.

В конце XVIII века село приобретает Александр Васильевич Суворов, назначенный в то время командующим Владимирской дивизией. По рассказам старожил, храму были отданы в дар награды полководца и долгое время хранились в его стенах. Дальнейший их след потерян. Сам Суворов не раз бывал в храме, пел в церковном хоре. Александр Васильевич очень любил музыку, и особенно церковную.

Стихотворение «Ундол, XVIII век»

Здесь пел на клиросе Суворов,
 Пел среди баб и мужиков.
 Вплетал свой голос в голос хора –
 В венок крестьянских голосов.
 Пел, а судьба, свой жребий зная,
 Все больше распаляла пыл,
 На будущее назначая
 Очаков, Яссы, Измаил.
 Пел отрешенно, а судьба же,
 Войдя в особенный азарт,
 Решила: «Пусть себя покажет
 На перевале Сен-Готард».
 Взывая к Богу, пел России
 Великий сын... А после храм
 Его награды боевые

Хранил и нёс грядущим дням.
 Был праздник. В церкви было тесно.
 Горели свечи. К небесам
 Взывал хор голосов чудесный
 Бог каждому ответил сам.

В эти годы он заводит домашний хор и оркестр. Их репертуар и исполнительский уровень певцов и музыкантов очень заботили Суворова. В письме заведующему канцелярией по управлению всеми своими вотчинами С.П. Кузнецову есть такие строки: *«Валторки моим музыкантам купи. Васютку Ерофеева постарайся сюда прислать. Купи еще полдюжины скрипок с принадлежностями для здешних ребяташек».*

Очень Суворова заботило и само имение. Вот отрывок из письма управляющему имением М. Поречневу: *«Не пропусти время в ундольском саду вместо подсохших березок насадить осенью новые, а коли можно, то и елками, а подле частокола метельником, чтобы оный со временем гуще разросся, был красив и пустых мест в поле бы не было. Также аллеи и дороги... липняком и кленником дополнить и украсить».*

Местные священники мечтают не только восстановить Казанскую церковь, но и возродить уже в качестве музея суворовскую усадьбу – дом, сад. И это вполне реально. Выиграет и церковь, и город – ведь лакинские власти могут и валюту получать: иностранцы, которые едут во Владимир и Суздаль, непременно останутся в этих местах, и в первую очередь их привлечет несомненно известное им имя Суворова.

Как-то храм посетил американский ученый Питер Стонг и оставил в книге почетных гостей такую запись: *«Духовная жизнь в России расцветает и потрясает. Дайте Лакинску развитие!...».*

Из неопубликованной переписки Натальи Александровны Зубовой (урожденной Суворовой)

Письмо (черновик) неоконченное И.И.Прозоровскому

Милостивый государь дядюшка!

Князь Иван Иванович!

Помня всегда вашу не только родственную, но и дружескую связь с покойной матушкой и чувствуя всегда Вашу к нам любовь, обязанную себя поставлю в сокрушении сердца известить Вас о несчастной кончине брата моего. Горесть моя и печаль моя естественна, тем более что я имею нещастие потерять отца, мать и мужа, имела единственно в нем того, с кем могла все делить, связь наша была столь близка. Я уверена, что Вы, милостивый государь дядюшка, разделите со мной мою скорбь и не оставите обратить Ваше родственное внимание к оставшим после брата сиротам, коих я, как ближняя в них участвующая, и поручаю в Вашу милость.

С совершенным почтением и беспредельною приверженностью пребуду....

декабрь 1811 г.

Графине Любови Николаевне Зубовой в С.-Петербург

Любимые дети. Я в Москве. Приехала, слава богу, благополучно на третий день по выезде моем из Петербурга. Завтрашний день выезжаю в Фетиньино дней на пять. Если возможно мне будет я пятого числа февраля отсюда выеду. А вы там старайтесь учиться в послушании и в благонравии. Все родные Вам кланяются, и вы кланяйтесь нашим петербургским родным. Будь над вами милость божия и мое благословение.

Мать ваша Н. Зубова.

Мой поклон Анне Яковлевне

22 января 1812 г.

Москва.

Любимые дети, Любонька, Оленька и Валерьянушка.

Я, славу Богу, здорова, и в моей перегруженной кибитке однакож преспокойно доехала благополучно. Дней через восемь буду в Фетиньино. Будьте здоровы, будь над вами милость Божия. Целую вас, и мое благословение с вами на века.

Мать ваша

Графиня Наталья Зубова.

3 марта 1814 г.

Москва.

Милостивые государи мои

Петр Филиппевич и Александр Федорович!

Извещение ваше от 24-го протекшего марта мною в свое время получено. И касательно объяснения вашего в оном, «что небызвестно мне, что покойному Никите Александровичу Суворову, следовала в выделе часть из владимирского моего имени, и что и поныне она не выделена», то вы просите уведомить вас как угодно мне будет расположить выдел из имени моего следующей вам части: на сие и ответ вам, М. Г., не имею ничего другого оказать: что не только мне сие неизвестно, но и не имеет возможности быть неизвестным, ибо все то, что я получила от отца моего в награждение как в движимом, так и в недвижимом состояло в благоприобретенном им покупкою, следовательно, утвердительно могу полагать, что расчеты ваши на получение какой-то частицы из владимирского моего имени не весьма верны, ибо никому из оною никакая часть по родовому наследию следовать не может. В протчем с почтением пребуду.

Ваша, милостивые государи, готовая к услугам.

Апрель. 1814 г.

Милостивый государь граф Петр Крестьянович!

Благосклонное обещание Вашего Сиятельства удостоить сына моего Кавалергардского полку корнета графа Зубова 2-го представлением в адъютанты к особе

Вашей. Поводом покорнейшей моей о том просьбы при объяснении в настоящем его положении: он после выпуска из корпуса успевал в познании фрунтовой службы, не менее по молодости лет и прибавляющемся росте потерпел в здоровье, так что для поправления оного необходимость заставила просить об отпуске его, который и получил от прошедшего июня... числа на шесть месяцев.

Весьма бы для меня лестно было, если б по истечении сего времени он поступил в адъютанты к Вашему Сиятельству, чем по собственному желанию его он будет осчастливлен, а я приняв то за совершенное одолжение с истинным почтением и таковой же преданностью пребуду навсегда.

Милостивый государь Вашего Сиятельства покорная к услугам.

Июль, 1816 г.

М.Г. Евграф Николаевич!

На имение мое, состоящее Владимирской губернии в уездах Покровском, Суздальском, Владимирском и Юрьевском, в разных селениях, на которое прошу Вас покорнейше получить на оное по 8 ревизий на то число душ сколько окажется могут узаконенное свидетельство для представления к залогоу в Московский опекунский совет, а для получения надбавочных по 50 % на душу денег, составить по указанной форме описание и представить куда и следует на утверждение.

Когда свидетельство изготовлено будет мне в выдачу, то под расписку вашу получите и представьте оное свидетельство вместе с описанием или порознь к залогоу при объявлении в Московский опекунский совет для займа в оном денег и когда деньги советом назначены будут мне в выдачу, то под расписку вашу получите и доставьте ко мне, в чем я вам верю, что Вы посему учините, спорить и прекословить не буду.

1833 (1834 г.)

Ананасы из родительского имения

Некоторые страницы истории села Фетинино Собинского района

Фетиньино – старинное село. В списках населенных мест Владимирской губернии, по данным 1859 года, а значится: Фетиньино – владельческое село, расположено при реке Колокше, по правую сторону проселочного тракта из г. Владимира в г. Александров. Уезд – Владимирский, от губернского города в 45 верстах. Число дворов –10, жителей –98. В селе одна церковь.

В XVII веке в селе имелась церковь во имя Дмитрия Селунского. О ней первое упоминание находим в книгах патриаршего казенного приказа за 1646 год, где записано: «...церковь Дмитрия Селунского в селе Фетиньино дани четыре алтыне три деньги». В тех же документах под 1710 г. встречается запись: «Церковь Николая Чудотворного в вотчине Бориса да Федора да Степана Зубовых». В 1723 году дьячкову сыну, Герасиму Яковлеву, дается грамота, которой он утверждался «в должности дьячка в вотчину разных помещиков в село Фетиньино к церкви великого мученика Дмитрия Селунского».

Итак, в XVIII веке в Фетиньине имелись две церкви – во имя Дмитрия Солунского и Николая Чудотворца.

Как видно из книг патриаршего казенного приказа, село Фетиньино принадлежало роду Зубовых. Этот род считался древним, имел прямое отношение к Владимирскому краю – он брал свое начало от баскака (ханского наместника) во Владимире, татарина Амрагата, принявшего в XIII веке крещение с именем Захария. Он-то и явился родоначальником Зубовых и Баскаковых.

Игнатий Никитич Зубов был дьяком посольского приказа (1571). Многие Зубовы в XVII в. Служили стольниками и воеводами.

Николай Васильевич Зубов, владелец Фетиньина, в 1769 году построил вместо ветхих деревянных церквей каменную (которая сохранилась по сей день) в честь Святыя Живоначальныя Троицы, а в 1808 году усердием Натальи Александровны Зубовой возведена колокольня.

Родовое имение Зубовых в Фетиньине после смерти Николая Александровича Зубова перешло к его жене Наталье Александровне, урожденной Суворовой. Дочь А.В. Суворова здесь проводила с детьми большую часть года. Ранней весной, когда еще лежал снег на дорогах, ее кибитка отправлялась из Санкт-Петербурга во владимирское имение. И уезжала отсюда поздней осенью по санной дороге. Нередко и зимы проводила она со своим многочисленным семейством в Фетиньине. *«...Мне очень грустно было узнать из последнего письма вашего, – пишет 7 ноября 1813 года сын графини Зубовой-Суворовой Александр, – что вы намерены всю зиму прожить в деревне. Большая стужа, глубокие снега неужели не устрашают вас...».*

Старшие сыновья Натальи Александровны – Александр, названный в честь деда – полководца Суворова, и Платон – учились в Петербурге. Частенько возки, нагруженные съестными припасами, отправлялись в столицу. Какие только дары природы не посылались любимым детям из Фетиньинского имения. *«Благодарим вас, любезная маминька, за ананасы, которые вы нам прислали... 4 ананаса отослали мы сестрицам, которые вас за оные благодарят»* – сообщают своей матери сыновья 14 ноября 1810 года.

А оранжерея в Фетиньине была чудо из чудес. Чего только здесь не росло! Старший сын Александр, направляясь в свой полк, заехал в Хорошевское имение под Москвой. В своем письме к матери он делится впечатлениями: *«Ходил по всем заведениям. Рогатый скот очень хорош, а особливо быки, самые крупные; в оранжереях будут фрукты, но не столько, как у нас в Фетиньине».*

Зубовское имение славилось и своим конным заводом, который основан был во второй половине XVIII века. Сыновья ценили и берегли лошадей, подаренных им матерью. *«...У меня 9 лошадей, 3 верховых и 6 разъездных... Ездить из Новой деревни в город на моих хороших лошадях, кои, можно сказать, лучшие в полку, жаль гонять...»* – признается Александр Зубов матери.

На протяжении многих десятилетий Фетиньинский конный завод являлся одним из лучших во Владимирской губернии. В сороковые годы XIX века, когда

Фетиньинскоеимение уже перешло к Леонтьевой Любови Николаевне, дочери Натальи Александровны Зубовой, конный завод насчитывал до 45 маток и 10 жеребцов рысистой, скаковой и полукровной пород. Ежегодный доход составлял 5000 рублей серебром. В 1846 году на Московских рысистых бегах лошадь с Фетиньинского завода завоевала серебряный кубок в 200 рублей серебром, а позднее – Императорское серебряное блюдо.

В Фетиньино дочь Суворова перевезла из Ундола одноэтажный деревянный домик, в котором жил и писал свой знаменитый труд «Наука побеждать» ее отец. Память о деде, великом полководце, хранили в своих сердцах и сыновья Натальи Александровны.

Фетиньинские мужики вместе с многочисленными ратниками из Владимирской губернии защищали и освобождали свое отечество от нашествия наполеоновских войск. Александр Зубов в своем очередном послании к «любезной маминьке» от 24 апреля 1814 года сообщал: «... по всей дороге встречаются мне возвращающиеся ратники из нашей губернии, но из наших крестьян еще никого не видел». А 25 сентября он неожиданно столкнулся со знакомыми: «Наконец, с величайшею радостью встретил я возвращающихся наших фетиньинских ратников. К сожалению моему, из 25 человек осталось только 9. Новофетиньинский крестьянин Егор Иванов доставит вам сию записочку. Простите меня, любезная маминька, что я вам на такой бумаге пишу, но я готов был садиться в бричку, как они мне встретились.

В 1885 году в селе была открыта церковно-приходская школа, построенная на средства Михаила Ивановича Леонтьева.

Фетиньинское имение Зубовых, а позднее Леонтьевых, является памятников истории и культуры нашего Владимирского края. Хотя оно и было поставлено на государственную охрану по постановлению Совета Министров РСФСР № 1327 от 30 августа 1960 г., но требует к себе более пристального внимания. Не настала ли пора восстановить этот уникальный памятник в должном виде с его усадьбой XVIII-XIX вв., парком, дивными оранжереями, конным заводом, церковью и прочими пристройками.

Объемный научный труд по реставрации Фетиньинского имения уже много лет лежит в архиве специализированного экспериментального научно-производственного управления «Владимирреставрация».

Из писем внуков А.В. Суворова Александра и Платона Зубовых

Город Смоленск, 24 апреля 1814 г.

Любезная маминька.

Не могу пропустить и сего города, чтобы не уведомить вас, любезная маминька, что я, слава Богу, здоров, еду благополучно, хотя очень тихо. Город Смоленск я нашел совсем разоренным, в редком доме есть живущие, в стене находится много проломов, сделанных неприятелем, и очень много домов повреждено ядрами...

Между прочим, поздравляю вас, любезная маминька, со взятием в плен самого Наполеона, так как слух о сем здесь носится, и уже читал я партикулярное письмо, с

коего копию и посылаю вам. Любезная маминька, простите меня, что я так мало пишу, но право, время дорого и спешу ехать далее. Целую сестриц и братца, Марье Петровне мой поклон, и прося Бога о сохранении вашего здоровья и вашего благословения.

Остаюсь всепокорным сыном.

Александр Зубов.

Любезная маминька.

С тех пор, как я в Павловском, я очень невесело время свое провожу, вот уже около двух, что я в постели лежу: у меня чирий сел под самым коленом и принуждает меня лежать. Императрица была ко мне столь добра, что узнавши, что у меня нога болит, прислала своего доктора г-на Дюля, который мне дал очень хороший пластырь, и я надеюсь ныне или завтра встать. Впрочем, я слава Богу, здоров. Любезная маминька, уведомите меня, каково ваше здоровье и лучше ли сестрице и братцу. При чем остаюсь всепокорным сыном.

Гр. А. Зубов.

4 июня 1813 г.г. Павловск.

Сестриц и братца, прошу вас, любезная маминька, за меня поцеловать.

Любезная маминька!

Сей час имею я честь и удовольствие получить ваше письмо от 19 июля и крайне обрадован был, что вы спокойны на щет моего здоровья, и что я имел удовольствие хоть через письмо вас повеселить на щет Младова и нездоровья его, в том числе и Сергея Матвеевича. А что касается до моего оратора Федина, то уж признаюсь, зачитал меня. Одолеп стихами поэзиею; даром что маленький человек, но умом природным и даровитостями преисполнен, хотя не так еще познаниями; но французский дух в нем царствует; обожает их и почти забыл, что он республиканец.

Вам угодно, чтобы я вам по-французски писал, конешо французский язык хорош, приятен и ловок для выражения мыслей, но не менее того. Я Русский и не хочу употреблять вместо моего языка язык посторонний, разве он хуже, разве мысли мои и мое почтение и мою привязанность я не могу изъяснить на природном языке так, как на французском. А если для чего учить всему языку, то единственно, чтобы приобрести познания, которые не имеются в нашем языке, чтобы мог держать разговор умными иностранными людьми и держать переписку с такими людьми, которые в собственном языке не сильны или его не знают.

И я чтобы Русский; и с Матушкою моею и занялся по иностранному – это не позволительно. Но если любезная маминька желает, то а долг почитаю вам повиноваться, и с удовольствием почту вам показать мои знания в сем языке и на будущей почте исполню ваши пожелания...

...Остаюсь навсегда всепокорным сыном.

Сего 27 июля 1816 г.

Гр. Платон Зубов.

Любезная маминька!

Вчера я получил от брата письмо, которое тороплюсь послать к вам, зная, какое оно вам сделает удовольствие. Слава Богу, он здоров и у Депперидовича на Арденарцах, так ему довольно спокойно. Как я завидую его состоянию. Он уже два года свою службу исправляет Отечеству и Царю, второй поход, а я еще нахожусь в том же положении, в каком я и был.

Все переменилось. Барклай уже офицер Кавалергардского полку. Думал ли я, чтобы из нас трех, воспитавшихся у Сиона, я был бы последний приносить свои услуги Отечеству. Увы! Мой дух изнемогает под бременем Отчужденной любви. Все идут, ополчась на варваров, нарушителей спокойствия всея Европы, а я, я, который сам себя могу защитить, и буду терпеть, чтобы они кровь свою проливали за меня, между тем как сия кровь в моих жилах кипит.

О Боже, услышь и молитву мою, моя надежда вся в тебе.

О маминька! Любезная маминька, приезжайте скорее возвратите веселие, радость моей души, пресеките сию долгую нашу разлуку, просеките мое долгое пребывание в корпусе, сие от вас зависит, мои все средства употреблены.

Целую сестриц и братца.

Прося вашего благословения. Остаюсь навсегда всепокорным сыном.

Сего 8 июня 1815 г.

Гр. Платон Зубов».

Любезная маминька!

Я получил ваше письмо от 1 марта, писанное через Бехтеева, но его дела в Москве задержали, и он нашелся принужденным нам его по почте переслать. Прочел, и оно ввергло меня в крайнее огорчение, и я не мог верить даже собственным моим глазам, тому, что читаю, начал еще раз, кончил, и вижу, что вы обеспокоены на счет моего характера, что я не кроток, горяч, все на сердце принимаю.

По внутренним моим чувствам, я все тот же, что был при вас, характер мой никак не переменился, и если он вам кажется иным, каков он был, то ваш проезд все вам откроет, и увидите того же Платона по внутренности сердца и души, который так часто изъяснял вам свою привязанность и покорность.

Если я вас мог огорчить через письма, то сие происходит единственно от моего положения, в какие минуты я писал; в веселых, в радостных мои письма соответствуют моим чувствам, но когда в грустные, печальные, скучные минуты, то я пишу соответственно моему положению; что вам доказывает мою привязанность и откровенность, когда я предъясляю на письме то, что мое сердце чувствует. Но неужели я невинным образом до такой степени вас огорчил, что вы находитесь в принуждении мне напомнить ваши добрые советы.

Те советы, которые ничто не могла помрачить в моей памяти, и которые имеют столь же сильное влияние на все существо мое, как и закон Божий. С раскаянным

сердцем, с прискорбною душою прошу у вас прощения и да простите и благословите меня, яко на вас покорного сына вашего.

Гр. Платона Зубова.

Сего 16 марта 1815 г.

Осмелюсь ли я вас беспокоить, любезная маминька, об деньгах, касающихся моего пансиона; и прошу вас, нельзя ли их переслать в скором времени. А учителя по той причине ко мне не ходят...

Целую сестриц и братца.

Призыв, сентябрь 1990. № 8, 9 С. 7, 6.